

Взглянув на Пэй Яня, Чжоу Дафэй приподнял бровь — дерзко, с явным вызовом, в котором сквозило чистое искушение. И на сей раз это, кажется, было искренне.

Пэй Янь не рассердился, лишь усмехнулся:

— У тебя либо память короткая, либо ты просто валяешь дурака. Разве я тебя не учил? — Он лениво провел пальцем по его подбородку. — Когда ты впервые назвал меня учителем, я всю ночь преподавал тебе... практические занятия. Буквально на пальцах объяснял. Неужели забыл?

Чжоу Дафэй возмущенно вскинулся, теряя всякое желание подыгрывать. Он дернулся было встать, но Пэй Янь оказался быстрее. Пресекая любые попытки сопротивления, он легко подхватил Чжоу Дафэя под бедра и поднял на руки.

Чжоу Дафэй инстинктивно напрягся. Пэй Янь с торжествующей ухмылкой подошел к самому краю террасы и шутливо подбросил его на руках, проверяя на прочность.

За спиной и под ногами разверзлась пустота, ночной ветер холодил кожу сквозь одежду. На мгновение Чжоу Дафэй испугался — его пальцы судорожно вцепились в плечо Пэй Яня, но почти сразу он заставил себя расслабить хватку.

— А ты действительно бесстрашный, — протянул Пэй Янь. — Висишь над пропастью, а обнять меня покрепче так и не соизволил?

— Вы все равно меня не сбросите, — спокойно отозвался Чжоу Дафэй.

Пэй Янь негромко рассмеялся:

— О как. Значит, теперь я в твоих глазах уже не такой уж и псих?

Чжоу Дафэй выдержав паузу и с самым равнодушным видом хмыкнул в знак согласия.

Пэй Янь слегка опешил. В груди шевельнулось странное, непривычное чувство, но оно не вызвало раздражения.

Издалека донесся глухой бой курантов, возвещающий полночь. На Чжоу Дафэя навалилась усталость. Слегка зевнув, он совершенно естественно уткнулся лбом в плечо Пэй Яня и безмятежно прикрыл глаза.

Все оставшиеся в Хэндяне дни Чжоу Дафэй проводил ночи в спальне Пэй Яня.

Сменив тактику ведения боевых действий, он решил придерживаться политики мирного сосуществования: не вступать в споры по пустякам и уступать во всем, что не касалось его личных принципов. А главным и единственным принципом Чжоу Дафэя была работа. Точнее — кино.

Руководитель Тун больше не подпускал его к хлопущке. Вообще освободил от каких-либо обязанностей на площадке — Чжоу Дафэй подозревал, что тут не обошлось без личного распоряжения Пэй Яня. Единственной причиной, почему он не стал устраивать скандал, было то, что Пэй Янь по-прежнему разрешал ему ежедневно приезжать на съемки.

Пусть даже режиссер делал это исключительно ради того, чтобы держать строптивца под присмотром, для самого Чжоу Дафэя это была идеальная возможность наблюдать за работой других цехов и впитывать знания.

Так он превратился в главного бездельника съемочной группы. Его единственной официальной «обязанностью» стало обеденное посещение трейлера, где он должен был составлять Пэй Яню компанию за столом.

В свободное время он держался особняком, ни с кем не заговаривал и пресекал любые попытки сблизиться, из-за чего любители посплетничать лишились всякой возможности докопаться до истины. Поэтому слухи поползли самые дикие. Шептались, будто после совместных обедов Сяо Чжоу выходит из трейлера с осипшим голосом и в измятой одежде.

Но находились и те, кто возражал: мол, держится парень с достоинством, во взгляде ни тени фальши, и он совершенно не похож на тех, кто пробивает себе дорогу через постель. Может, именно этот гордец и окажется тем самым единственным, кто приберет к рукам прожженного донжуана Пэй Яня.

Судов и пересудов хватало. Пэй Янь сквозь пальцы смотрел на сплетни — его это развлекало, да и лишний повод подразнить парня никогда не мешал. Чжоу Дафэй же не оправдывался просто потому, что ему было плевать.

Помимо скрытого обучения, Чжоу Дафэй вплотную занялся изучением раскадровки. Сценарий «Гипотермии» он по-прежнему считал посредственным, а вот раскадровка вызывала у него искреннее уважение. Профессионализм оператора-постановщика Ян Тяня действительно не подлежал сомнению. Пользуясь вынужденным бездельем, он несколько раз детально сопоставил визуальные планы с текстом сценария.

«Гипотермия» строилась по канонам классического «бадди-муви» — фильма о напарниках, где сюжет вращается вокруг взаимоотношений двух героев. Обычно один из них проходит путь

внутренней трансформации, а второй служит для этого катализатором. У этого жанра много вариаций: от ромкомов и приключенческих драм до историй о крепкой мужской дружбе.

Но в картине Пэй Янь была своя изюминка. На первый взгляд — типичная мелодрама, однако женский персонаж здесь служил лишь фоном. Настоящим «напарником», двигавшим эволюцию главного героя, выступал второй мужской персонаж. Сыграй его правильно — трогательно, глубоко, — и он легко затмил бы ведущую пару.

Неудивительно, что Шэнь Цзуй так отчаянно цеплялся за эту роль.

Сверившись с вызывным листом, Чжоу Дафэй понял, что блок съемок в Хэндяне подходит к концу. Финальные сцены ложились в основном на плечи Шэнь Цзуй. Визуальный ряд здесь становился более авторским, артхаусным, а драматический материал давал простор для импровизации — идеальные условия для актера такого плана.

Впервые за все время Чжоу Дафэй почувствовал профессиональный азарт. Ему действительно стало любопытно, сумеет ли Пэй Янь раскрыть на экране ту неуловимую, тонкую пластику эмоций, которой так славился Шэнь Цзуй.

Однако на практике все оказалось гораздо сложнее. Те кадры, что на экране выглядят легкими и органичными, рождались в муках — через десятки, а то и сотни изнурительных дублей.

Наблюдая из своего угла за тем, как Пэй Янь работает с актером, Чжоу Дафэй начал понимать, почему режиссер в свое время забраковал его самого. Актерство требует гибкости, а у Чжоу Дафэя характер был слишком колючим, монолитным. Настоящий актер — это Шэнь Цзуй. В жизни его лицо кажется чистым холстом, но стоит включиться камере, как на нем проступает любая нужная палитра чувств.

К своему неудовольствию, Чжоу Дафэй признал: Пэй Янь чертовски хорош в создании глубоких, художественных мизансцен с безупречной эстетикой кадра. И вместо того чтобы зауважать его больше, Чжоу Дафэй почувствовал укол ревностной обиды. В груди предательски заскребло.

Последнюю сцену Шэнь Цзуй мучили весь день и полночи, но нужного результата так и не добились.

К десяти вечера у оператора сдали нервы. Ян Тянь взмолился о получасовом перерыве, заявив, что иначе его техника испустит дух раньше, чем он сам.

Пэй Янь спорить не стал и объявил сорок минут отдыха. Сам он, однако, остался сидеть в режиссерском кресле, хмуро глядя в пустоту и прокручивая в голове сцену.

Шэнь Цзую тоже было не до отдыха. Напряжение последних недель давило мертвым грузом.

Он не входил в штат агентства Пэй Яня, а из-за инцидента с Чжоу Дафэем и вовсе оказался у режиссера в негласном черном списке.

Отойдя к краю площадки, актер уныло цедил остывающий кофе. Заметив, что режиссер не ушел, он нерешительно двинулся в его сторону, надеясь прояснить задачу, но успел сделать лишь пару шагов — Пэй Янь подозвал своего секретаря.

— Где Чжоу Дафэй? — спросил Пэй Янь, устало массируя переносицу.

— На площадке, — отозвался секретарь Ли. Сам он за камеру не отвечал, но выматывался не меньше шефа.

— Позови его ко мне.

Шэнь Цзуй замер и тихо отступил, усаживаясь на стул подальше. Вскоре появился Чжоу Дафэй.

— Учитель Пэй, — позвал Чжоу Дафэй, подойдя ближе. — Звали?

За весь этот бесконечный съемочный день Пэй Янь впервые улыбнулся.

— Садись. Ну что, убедился, что кинопроизводство — это не так весело, как тебе казалось? — Пэй Янь искоса взглянул на него. — Даже для твоего драгоценного Шэнь Цзуй.

Чжоу Дафэй искренне не понимал, почему этот человек при любом удобном случае приплетает Шэнь Цзуй.

— Да, — честно признался он. — Все выглядит иначе.

Улыбка Пэй Яня едва успела распуститься, как Чжоу Дафэй безжалостно добавил:

— И это лишь доказывает, насколько талантливыми были режиссеры, у которых он снимался раньше.

Пэй Янь лишился дара речи. Забыв, что они находятся посреди площадки под прицелом десятков глаз, он резко подался вперед, перехватил Чжоу Дафэя за подбородок и процедил сквозь зубы:

— Ты задался целью меня в могилу свести, верно?

— Горькая правда всегда глаза колет, — невозмутимо отпарировал Чжоу Дафэй, давно

научившись игнорировать чужие косые взгляды.

— Кое-каким вещам режиссер может обучить, но остальное актер должен прочувствовать сам,
— Пэй Янь холодно усмехнулся, крепче сжав пальцы. — Я вот тоже могу попытаться научить тебя послушанию, но ты ведь, упрямец, все равно ничего не усвоишь.

Он склонился еще ближе. Их взгляды встретились. В шуме и суете павильона они оказались так близко друг к другу, что любой оператор мог бы снять их поцелуй без всяких дублеров.

Шепотки переросли в явный гул. Чжоу Дафэй даже бровью не повел. Он прекрасно понимал, что Пэй Янь провоцирует его намеренно, пользуясь тем, что на площадке никто не посмеет перечить режиссеру.

В глазах Пэй Яня плясали издевательские огоньки. Чжоу Дафэй стиснул зубы и в следующую секунду, резко подавшись вперед, закинул руки на плечи мужчины и бесцеремонно уселся к нему на колени.

Пэй Янь от неожиданности вздрогнул и инстинктивно обнял его за талию, удерживая от падения. Это выглядело настолько вызывающе — словно безумный тиран решил обласкать фаворита прямо перед строем своих войск, — что у всей съемочной группы мгновенно улетучились остатки сна.

Даже привыкший ко всему секретарь Ли растерялся, судорожно соображая, куда деть взгляд.

— А ты действительно не робкого десятка, — Пэй Янь легонько похлопал его по щеке.

Чжоу Дафэй, устроившись на его бедрах, упрямо вздернул подбородок. В каждом его движении сквозило гордое нежелание уступать.

— Ладно, будет тебе, — Пэй Янь и не думал злиться. Вся его усталость и раздражение испарились без следа. Сверившись с часами, он произнес гораздо мягче: — Сегодня нам тут торчать до утра. Иди-ка в трейлер, поспи немного.

Чжоу Дафэю очень хотелось остаться и посмотреть, как справится Шэнь Цзуй, но озвучивать это желание при Пэй Яне было верхом безрассудства.

Спустя пару минут парень скрылся в трейлере, а Пэй Янь мгновенно вернул себе привычную рабочую строгость.

Пока киношники возвращались на свои места, Ян Тянь подошел к режиссеру и тихонько хмыкнул:

— Ну и парочка. Стоите друг друга в своем бесстыдстве.

Пэй Янь лишь снисходительно усмехнулся.

Шэнь Цзуй поставил пустой стаканчик и вернулся на исходную позицию. Пэй Янь пристально проследил за ним взглядом. Даже издалека было заметно, как актер стушевался под его прицелом — он отвел глаза, выдав внутреннее замешательство. Режиссер мысленно ухмыльнулся: эта реакция лишь подтвердила его худшие подозрения.

Поняв, что за ним наблюдают, Шэнь Цзуй поспешно отвернулся и встал под софиты.

— Ты чего на него волком смотришь? — проворчал Ян Тянь. — Парню и так несладко, эта сцена чертовски тяжелая.

— И не думал. Он сам дергается, потому что грешок за душой чувствует, — отмахнулся Пэй Янь. Настроение у него поднялось, а воспоминание о недавней выходке Чжоу Дафэй вызывало приятное чувство собственнического триумфа.

Оказавшись один в полумраке трейлера, Чжоу Дафэй понял, что сон не идет. Делать было абсолютно нечего. Он достал из мини-холодильника банку пива, медленно выпил ее, и хмель наконец принес желанную истому.

Ему приснился кошмар. Будто его выстраданный сценарий и кропотливо выверенную раскадровку Пэй Янь перечеркал до неузнаваемости, превратив в полнейший бред. В ярости Чжоу Дафэй бросился на него с кулаками, но в следующее мгновение чужие пальцы мертвой хваткой сомкнулись на его горле. Вокруг стояла толпа зевак, а сам он внезапно оцепенел, не в силах пошевелиться.

Он отчаянно пытался вырваться, но тело не слушалось. По спине струился холодный пот, лоб взмок, а сердце колотилось в ребра так, словно готово было выпрыгнуть из груди.

Даже сквозь сон он осознал, что это лишь видение, но кошмар затягивал, точно зыбучие пески. Пальцы мертвой хваткой вцепились в простыню, и Чжоу Дафэй резко, рывком сел на кровати.

Прошло несколько минут, прежде чем он смог разомкнуть налитые свинцом веки. Навалившаяся усталость была такой, словно он не спал несколько суток.

Экран телефона тускло высветил время: 02:35.

В трейлере царил тишина. Пустая пивная банка сиротливо стояла на прежнем месте. Чжоу Дафэй перевел дух, понимая, что его просто накрыло в фазе глубокого сна. Снаружи доносились приглушенные голоса — звукоизоляция оставляла желать лучшего. Поняв, что заснуть снова не удастся, он набросил куртку и вышел на улицу.

Съемки все еще продолжались. Забившись в темный неприметный угол, Чжоу Дафэй невольно прислушался к разговорам осветителей: те ворчали, что режиссер откровенно издевается над актером, заставляя всю группу страдать из-за его капризов.

Камера снова заработала. Чжоу Дафэй внимательно взгляделся в монитор и нахмурился. Технически Шэнь Цзуй играл безупречно — в паре моментов его драма достигала невероятного накала, — но в сцене не было главного. В ней не чувствовалось души.

Когда прозвучала команда «Стоп!», на площадке повисла тяжелая тишина. Шэнь Цзуй, понимая, что не дотянул, замер на месте, боясь поднять глаза. Стоявший рядом исполнитель главной роли Хо Ли, чья задача в этом эпизоде сводилась лишь к подыгрышу, изнывал от бесконечных повторов одной и той же сцены. Он с надеждой покосился на режиссера.

Однако лицо Пэй Яня оставалось мрачнее тучи. Хо Ли тихо, сокрушенно вздохнул. Шэнь Цзуй с отрешенным видом вернулся на исходную точку.

— СТОП, — внезапно выкрикнул Пэй Янь, поднимая руку. — Шэнь Цзуй, подойди. У тебя сейчас абсолютно не то состояние. Ты пуст. В таком виде мы эту сцену не снимем.

Актер, выжатый физически и эмоционально, держался на честном слове.

— Режиссер Пэй, я...

— Я не могу сыграть за тебя, — отрезал Пэй Янь. — Но пойми одну вещь: сцена финального срыва — это пик твоего персонажа. Ключевая точка. По сути, вся твоя роль пишется ради этих нескольких минут. Все предыдущие эпизоды были лишь прелюдией. Именно сейчас ты должен раскрыть характер героя, показать своего персонажа без прикрас. Как ты его подашь — так зритель его и запомнит.

Шэнь Цзуй не был дешевым «айдолом». Он прославился еще подростком и обладал настоящей профессиональной гордостью. Он и сам понимал значимость эпизода, но слова Пэй Яня хлестнули по самолюбию. Он закусил губу, пытаясь справиться с эмоциями.

— Перерыв десять минут, — Пэй Янь взял со стола остывшую кружку. — Подумай хорошенько.

□□□

Атмосфера на площадке была удушающей — люди буквально валялись от усталости. Шэнь Цзуй постоял посреди декораций, а затем медленно побрел в пустой коридор павильона. Чжоу Дафэй, наблюдавший за ним все это время, на мгновение задумался, а затем бесшумно двинулся следом.

— Шэнь Цзуй, — негромко позвал Чжоу Дафэй.

Тот вздрогнул, вырываясь из плена мрачных мыслей.

— Ой... Ты? Откуда ты здесь?

— Я видел твой последний дубль, — сказал Чжоу Дафэй.

— Полный провал, да? — Шэнь Цзуй устало и горько усмехнулся. — На самом деле Пэй Янь прав. Я сам чувствую, что фальшивлю. Послушай, — он замялся. Они не разговаривали целую вечность. — Тебе вообще можно со мной общаться? Ну... после того случая... Извини, я тогда...

— Всё нормально, — Чжоу Дафэй примиряюще махнул рукой. — Пэй Янь запретил тебе ко мне приближаться, я в курсе.

В глазах Шэнь Цзуй отразилась искренняя тоска.

— Я подошел, чтобы сказать: у меня есть идея насчет твоей сцены.

— Какая? — Шэнь Цзуй с надеждой посмотрел на него.

— Понимаешь, Пэй Янь любит балансировать... — Чжоу Дафэй прищурился, подбирая точные слова. — Ему нужно сочетание крайностей. Знаешь, такое странное сопереживание противоположностей в одном кадре. Когда в одном жесте уживаются и истерика, и абсолютное хладнокровие. Безумие и ясность ума. Если проецировать это на твоего героя... — он ненадолго задумался, — это должно быть одновременно полное, опустошающее отчаяние и яростный, отчаянный рывок на свободу. Смерть и бунт в одном флаконе.

Шэнь Цзуй нахмурился, в его взгляде промелькнуло понимание. Чжоу Дафэй не стал разжевывать — в конце концов, Шэнь Цзуй был профессионалом и сам знал, как облечь эту концепцию в живую эмоцию.

— Ладно, подумай над этим, — Чжоу Дафэй похлопал его по плечу. — Не буду мешать. Пойду обратно.

Весенний ночной ветер приятно холодил кожу. Чжоу Дафэй давно не стригся, и отросшие пряди падали ему на лоб, колыхаясь в неверном свете фонарей.

«Опустошение и бунт».

Шэнь Цзуй испытывал к этому парню невероятно сложные чувства. Будучи натурой тонкой и впечатлительной, он никак не мог забыть Чжоу Дафэя в ту их первую встречу в баре — дикого, дерзкого, пьяняще свободного. В нем пульсировала какая-то первобытная, сокрушительная сила, которую не способны сдержать никакие рамки и условности.

И этот же упрямый бунтарь безропотно подчинялся Пэй Яню, позволяя себе эти двусмысленные вольности прямо на съемочной площадке.

Сам Шэнь Цзуй выгрызал свое место под солнцем, трясаясь над каждым шагом и боясь лишний раз вздохнуть в присутствии влиятельного режиссера. А Пэй Янь мало того что держал его на коротком поводке, так еще и опускался до мелких собственнических уколов. Это сводило с ума.

— Стой, — окликнул его Шэнь Цзуй, когда Чжоу Дафэй уже отошел на приличное расстояние.

— Что-то еще? — тот обернулся.

Шэнь Цзуй замялся, пряча взгляд:

— Тот мой приятель... Лян Вэй. Помнишь его?

— Да. И что с ним?

— Он... в общем, он по уши втрескался в твоего друга. Ну, в Чжао Умяня. Хочет начать ухаживать.

— Что?! — Чжоу Дафэй даже опешил. — Он это серьезно?!

— Вполне, — Шэнь Цзуй внимательно следил за реакцией собеседника. — Вот я и решил сперва прощупать почву.

Лицо Чжоу Дафэя мгновенно посерьезнело:

— Передай своему Лян Вэю, пусть даже не пытается. Чжао Умянь устроен просто: те, к кому он взаимен, завоеваний не требуют, а те, к кому холоден... тут хоть лоб разбей, ничего не выйдет. К тому же сейчас... — голос Чжоу Дафэя помрачнел, — он явно не в том состоянии, чтобы заводить романы.

— У него ведь были тяжелые отношения, да? Расстался с парнем? — осторожно спросил Шэнь Цзуй.

Чжоу Дафэй сухо отрезал:

— Дело прошлое. Но Лян Вэю лучше поберечь себя. Они с Умянем — птицы разного полета, ничего хорошего из этого не выйдет. Наделает глупостей, а назад пути не будет.

Шэнь Цзую, по правде говоря, было плевать на страдания Лян Вэя — его волновал лишь сам Чжоу Дафэй. Выждав секундную паузу, он тихо спросил:

— А ты...

— Что я? — не понял Чжоу Дафэй.

— ...сам к нему ничего не чувствуешь? Ну, в романтическом плане. Просто если вы вместе, то Лян Вэю ловить точно нечего.

Чжоу Дафэй опешил от столь нелепого предположения, а затем весело рассмеялся — искренне и открыто:

— С ума сошел? Нет, конечно. Мы просто друзья. Но Лян Вэю все равно ловить нечего, уж поверь.

Шэнь Цзуй задумчиво хмыкнул:

— Сам не любишь и другим не даешь... Ведешь себя как оголтелый фанат-одиночка.

— Как кто? — Чжоу Дафэй нахмурился.

— «Соло-стэндер» или, на интернет-сленге, «токсичный онли-фанат», — улыбнулся Шэнь Цзуй.
— Это такие фанаты, которые хотят, чтобы их кумир блистал в одиночестве, потому что считают, что его никто в мире не достоин.

— О как. Буду знать, — Чжоу Дафэй оперся спиной о перила и с улыбкой кивнул: — Да, пожалуй, ты прав. Я его самый токсичный фанат.

— ...

Когда Чжоу Дафэй ушел, Шэнь Цзуй еще долго стоял в одиночестве, подставляя лицо прохладному ночному ветру.

Лян Вэй действительно заглядывался на Чжао Умянь, но никогда не просил Шэнь Цзуй поговорить с Дафэем. Это была чистая импровизация — Шэнь Цзуй просто хотел прощупать почву. Он и сам не понимал, зачем затеял эту игру. Было очевидно: ни Чжао Умянь, ни тем более Пэй Янь не допустят, чтобы Чжоу Дафэй сблизился с ним. Да и сам Шэнь Цзуй не принадлежал себе. Все карты были биты изначально, но это глупое, отчаянное желание уколоть или хотя бы привлечь к себе внимание заставило его пойти на мелкую ложь.

Когда актер вернулся в павильон, Пэй Янь сразу заметил перемену. Его взгляд стал сосредоточенным, исчезла былая растерянность.

— Готов? — лениво осведомился режиссер.

— Да, режиссер Пэй. Начнем, — твердо ответил Шэнь Цзуй.

В его голове наконец сложился тот самый сложный пазл чувств, о котором говорил Дафэй.

На этот раз Чжоу Дафэй устроился поближе к съемочной площадке. Руководитель Тун, только что отбивший хлопущку, изумленно уставился на него:

— Чжоу Дафэй? А ты разве не...

«...не должен спать в трейлере режиссера?» — осекся Тун, вовремя прикусив язык. К счастью, парень даже не взглянул в его сторону — он завороченно, затаив дыхание, следил за игрой Шэнь Цзуй.

Шэнь Цзуй превзошел сам себя. Он сыграл гениально — тонко, без капли фальши, сплетая в единый узел клубок противоречивых эмоций. В его игре возник мост между полным отчаянием и яростной, почти животной жадой жизни. Этот дубль превратил банальную сцену из коммерческого боевика в настоящий шедевр авторского кинематографа.

— СНЯТО! — выкрикнул Пэй Янь.

На площадке снова воцарилась гробовая тишина.

Первым безмолвие разорвал Ян Тянь. Он вскочил со своего места, едва не опрокинув монитор:

— Да! Да, черт возьми! Это оно! Давай еще дубль для верности!

Пэй Янь откинулся на спинку кресла, задумчиво разглядывая тяжело дышащего Шэнь Цзуй.

— Не нужно, — спокойно произнес он. — Этот дубль идеален. Снято. Завтра у всей группы выходной, — объявил режиссер, поднимаясь на ноги под радостный гул толпы. — Точнее, уже сегодня.

Стрелки часов перевалили за три ночи. Пэй Янь все еще выглядел безупречно — застегнутый на все пуговицы, собранный, — но усталость давала о себе знать. Он помассировал затекшую шею и, развернувшись, заметил в толпе уходящих рабочих одиноко сидящего на корточках Чжоу Дафэя.

Тот не стал отводить взгляд, лишь медленно поднялся на ноги. Из-за долгого сидения мышцы затекли, и он слегка пошатнулся.

На губах Пэй Яня заиграла мягкая, лишенная привычного сарказма улыбка.

Киношники, одуревшие от усталости, спешно собирали аппаратуру, предвкушая сладкий сон и долгожданный выходной. До странной парочки никому не было дела.

Пэй Янь подошел вплотную, его взгляд потеплел:

— Не спится? Неужели меня ждал? — из-за бессонной ночи его голос слегка осип, став еще глубже и сексуальнее.

Чжоу Дафэй проигнорировал подколку:

— Последний дубль Шэнь Цзуя был великолепен.

— Знаю, — Пэй Яня сейчас мало волновали чужие успехи. Он собственнически притянул парня к себе за талию, уткнулся носом в его макушку и выдохнул с блаженным облегчением: — Пойдем спать. Я смертельно устал.

Чжоу Дафэй напрягся в его руках, выпрямляя спину:

— А я не хочу спать.

Пэй Янь открыл только что сомкнутые глаза и мрачно посмотрел на него:

— Знаешь... иногда тебе все-таки стоит научиться притворяться.

— Да неужели? — с самым фальшивым интересом протянул Чжоу Дафэй.

— Пусть выйдет неумело, но так ты меня хотя бы не доконаешь.

Когда они вернулись на виллу, на востоке уже занималась бледная полоса рассвета. Усталость наконец сморила и Чжоу Дафэй. Задержав плотные шторы в спальне, он зевнул и без лишних слов рухнул на постель.

Пэй Янь тут же подошел и приоткрыл штору, оставив узкую щель:

— Не зашторивай наглухо, пусть немного рассветного солнца пробивается.

— При свете я не усну, — пробурчал Чжоу Дафэй, уткнувшись лицом в подушку. Из-за этого его голос звучал глухо и забавно.

Пэй Янь постоял над ним, вздохнул и послушно задернул занавеску обратно.

На площадке Чжоу Дафэй хорохорился, но за сутки он поспал от силы часа три. Стоило голове коснуться подушки, как веки налились свинцом.

Пэй Янь собственнически сгреб его в охапку и прижал к себе. Во сне его лицо разгладилось, растеряв всю свою хищную резкость, и сейчас он казался на удивление беззащитным. Пэй Янь осторожно коснулся подушечкой пальца его лба, а затем медленно повел вниз — по переносице, кончику носа, очертил губы и подбородок. Его прикосновения были невесомыми, почти призрачными.

Оставив легкий поцелуй на его щеке, он наконец с чувством глубокого удовлетворения закрыл глаза.

За окном висели тяжелые тучи, а плотные шторы не пропускали ни единого луча, так что время в спальне словно остановилось. Они проснулись лишь к обеду.

После полудня Пэй Янь утащил его в домашний кинотеатр на втором этаже. Они включили старую классическую ленту; усадив Чжоу Дафэя к себе под бок, Пэй Янь лениво перебирал его пальцы и поглаживал по плечам.

Чжоу Дафэй чувствовал себя породистым пушистым котом, которого хозяин тискает от скуки. Ему оставалось лишь смириться со своей участью и безвольно терпеть ласки.

Впрочем, картина оказалась стоящей — Чжоу Дафэй уже видел ее раньше и высоко ценил. В его голове никак не укладывалось: как человек, воспитанный на шедеврах мирового кинематографа, ухитрился снять такую попку, как «Спящий паровозик»?

Они сидели в расслабленном молчании. Словно угадав его мысли, Пэй Янь тихо хмыкнул:

— Снова обзываешь меня бездарностью?

Полумрак кинозала скрывал выражение лица Чжоу Дафэя, а приглушенные голоса актеров старого фильма создавали ощущение уюта и покоя.

Если быть честным, сейчас Чжоу Дафэй уже не считал Пэй Яня пустым местом. Тот определенно обладал талантом — и немалым. Просто он сознательно выбрал другой путь, решив монетизировать свои навыки.

Прислонившись плечом к груди мужчины, Чжоу Дафэй задумчиво произнес:

— Знаешь, «бездарный выскочка» тебе уже не подходит. Подожди немного, я пока не подобрал более точное определение.

Пэй Янь аж задохнулся от возмущения:

— То есть мне смиренно ждать, пока его величество соизволит сочинить для меня новое оскорбление?

— Ага, — невозмутимо подтвердил Чжоу Дафэй.

—...

Пэй Янь без предупреждения чувствительно ущипнул его за бок, попав прямо в самую чувствительную точку.

Фильм закончился ближе к вечеру. Есть не хотелось, и Чжоу Дафэй вышел подышать свежим воздухом на небольшую террасу второго этажа.

Сверху он заметил, что во двор въехало несколько машин — к Пэй Яню пожаловали гости. Судя по лицам, это были актеры и продюсеры из его агентства, включая исполнителя главной роли Хо Ли. Очевидно, они решили воспользоваться перерывом в съемках, чтобы наладить неформальные контакты с боссом.

Обычно Пэй Янь терпеть не мог подобные визиты вежливости, но сегодня пребывал в благодушном настроении, а потому пустил их, хоть и не собирався задерживать надолго. В конце концов, в планах у него был тихий ужин наедине с Чжоу Дафэем.

Гости оказались людьми понятливыми и вскоре начали прощаться — никто в здравом уме не стал бы напрашиваться на семейный ужин к грозному режиссеру. Лишь Хо Ли, обычно державшийся тише воды ниже травы, немного замешкался у дверей.

Пэй Янь удивленно приподнял бровь:

— Что-то хотел спросить?

— Режиссер Пэй, — Хо Ли неловко улыбнулся, растеряв весь свой экранный лоск. — Хотел поинтересоваться... Чжоу Дафэй не планирует попробовать себя в актерстве?

— С чего вдруг такие вопросы? — тон Пэй Яня мгновенно стал холодным. Ему категорически не нравилось, когда кто-то со стороны проявлял излишний интерес к Дафэю.

— Да просто подумал, что у него отличный потенциал, — уклончиво ответил Хо Ли. — Вчера Шэнь Цзуй никак не мог поймать нужную эмоцию, помните? А во время перерыва Чжоу Дафэй о чем-то шептался с ним в коридоре. И стоило нам вернуться в кадр, как парень заиграл просто гениально. Чжоу Дафэй, кажется, очень тепло к нему относится... Я краем уха слышал их разговор. Они обсуждали фанатов и какое-то странное слово... «токсичный соло-стэндер».

<http://bllate.org/book/19003/1922143>